

ПАМЯТИ РИТЫ НИКОЛАЕВНЫ НОВАКОВСКОЙ

Мне снится Рита Николаевна Новаковская – моя любимая учительница русского языка и литературы. Сколько раз она хотела прийти ко мне на уроки, а я всё стеснялась. Открытые уроки (теперь они называются «мастер-классами») для учителей, завучей, директоров – пожалуйста(никуда не деться). Но Рита Николаевна?! Нет, ведь я и в 30, и в 40, пожизненно – её ученица. А она – мой вечный учитель. И вот теперь у нас в лицее появилась вакансия, и она моя коллега. Какое счастье – работать в смежных классах, видаться на переменах, обсуждать прошедшие и будущие уроки! Я просыпаюсь от этой долгожданной, распирающей меня радости. На календаре – 23 февраля, бывший День Советской армии, день её гибели под колёсами КАМАЗа. Она была такая маленькая, а он такой большой, да ещё сиденье высокое – не заметил водитель. Он сделал запрещённый левый поворот, думал – как всегда, обойдётся. А она торопилась в школу, на собрание – первый раз после инфаркта. Он обнаружился случайно: предложили путёвку в санаторий (с учителями это бывает нечасто) и надо было пройти врачей. Оказалось, сначала – больница, а потом уже – санаторий. Всё позади, и вот первый выход в школу. Коллеги просили: холодно, скользко, не приходите сегодня; ведь не уроки, собрание.

Я ехала домой, торопилась, сегодня такой день – обязательно придёт Рита Николаевна, нужно ещё успеть что-то приготовить. Трамвай резко остановился, люди поспешили к окнам. Говорили: там девочка под колёсами, синее пальто и маленькие сапожки. Пришла домой – и вдруг звонок парторга 59-й школы, в которой я когда-то училась, потом работала в начальной школе, и после моего ухода класс взяла Рита Николаевна. «Ты что-нибудь знаешь о ДТП возле Дмитриевского моста?» – «Да, там девочка погибла». – «Это была Рита Николаевна».

Она без единого ранения прошла добровольцем всю войну, была связистом на Ленинградском фронте. В 50 лет впервые удалила зуб – он оказался молочным. А теперь вот так – чудовищно и нелепо...

Её хоронила вся школа: учителя, ученики, родители (тоже её бывшие ученики). Ведь это – единственное в её жизни место работы. После войны она доучивалась на филфаке университета (только теперь не на украинском отделении, где была в одной группе с Олесем Гончаром, а на русском) и пришла в нашу школу.

В нашем классе она преподавала только два года, но каких! На её уроках оживали города и эпохи, зримыми становились Москва, Петербург, Ясная Поляна и Михайловское, а герои классики воспринимались как друзья. У неё нельзя было не подготовиться к уроку, не потому, что грозила двойка – было стыдно. Она никогда не повышала голос, ни разу не оскорбила ученика. Просто смотрела на провинившегося – а глаза у неё были необыкновенные, как лучистые глаза княжны Марьи. Мы до сих пор их вспоминаем. И голос необыкновенный: и когда говорила, и когда пела. А петь любила, особенно хором с учениками, считала, что это не только сплавливает людей, но и способствует взаимопониманию, открытости души. Однажды вспоминала, как в конце войны освобождали Прибалтику. Её воинская часть входила в Эстонию: обессиленные, уставшие, измождённые солдаты. И тут приказ: войти с песней, ведь они первые советские солдаты, вступившие на эту территорию. Они спали, но шли – строй держали правофланговые. Вошли, проснулись – и зазвучала «Катюша».

Мне было интересно узнать, как Рита Николаевна встретила Победу. «Даже стыдно об это рассказывать, – вспоминала она. – Проснулась: в вагоне – никого, и тишина. А

потом орудийные залпы и многоголосое "ура". Спрашивала у ребят, почему не разбудили. А они говорят: не только будили, а ещё за волосы пытались поднять – всё напрасно».

После окончания школы мы крепко подружились. Младший Оконевский даже называл её бабушкой и после её смерти поинтересовался, по какой линии. Мы объяснили: исключительно по духовной.

До семи лет Валик не выговаривал звук «р». Объясняет написание слова «работа»: «Пелвая буква – «л», но не такая, как в слове «лампа», а такая, как в слове «лыба».

Рита Николаевна пришла поздравить его с днём рождения. «Ула, ула, бабушка Лита плишла и подалок плинесла!» – «Валик, как не стыдно, ведь тебе уже семь лет!» – говорит Рита Николаевна, украдкой подмигивая мне. Она забирает его в другую комнату, и минут через 15 они входят в столовую, крепко держась за руки. Валик произносит тот же текст, но уже совершенно правильно. А потом, поглядывая на бабушку Риту, тараторит так, будто это не впервые в жизни.

Или вот ещё случай: у Валика ячмень. Рита Николаевна просит широкое золотое кольцо и что-нибудь из чистой шерсти. Трёт кольцо варежкой и прикладывает к веку. Ячмень сошёл на наших глазах и больше никогда не повторился.

Часто вспоминаю совместную поездку в Ленинград. Долго уговаривала Риту Николаевну: 15 её учеников, 15 моих – и 10 дней можно любоваться городом и белыми ночами. Она долго упорно отказывалась. На мои удивлённые вопросы не отвечала. Но однажды «расколосась». Весной 1943 их товарный поезд с солдатскими теплушками остановился возле лесочка. Разрешили выйти, полюбоваться природой и даже насобирать первые цветы. Было так тепло, так благостно; ушли вглубь... И вдруг – взрыв. Побежали к составу, а его разбомбило; вокруг тела, оторванные руки, ноги... Невозможно после этого приехать в Ленинград. Но превозмогла себя, и мы вместе с учениками отметили там её полувековой юбилей.

К 40-летию Победы наградили Риту Николаевну юбилейной медалью «За победу над Германией» (орден Отечественной войны у неё уже был). «Мы обмоем её по-солдатски», – сказала она, налив в рюмку водки и бережно положив награду. Я спросила: «Что было самым трудным на войне?» – «Шинель 54-го (а у неё одежда 46-го) и сапоги – 44-го (а у неё сапоги 33-го). Мне вспомнились строчки Евтушенко: «...прежде, чем сделать шаг вперед, делала шаг внутри сапога».

Рита Николаевна создала один из первых в стране кабинет литературы – да такой, что показывали его на выставке в Японии. Здесь говорили по душам, читали непрограммные стихи, писали сценарии литературных вечеров.

Она была удивительно скромным человеком: всю жизнь прожила в одной комнате большой коммуналки, сначала с удочерённой племянницей (у которой погибли родители), потом прибавились зять, внучка. Когда ей говорили, что пора заняться квартирным вопросом – ведь у неё есть льготы – она отвечала: «Да неловко как-то».

Почти каждое лето я приезжаю в Ленинград, вспоминаю нашу поездку и всегдашнюю просьбу Риты Николаевны: «Купи мне что-нибудь взрослое, а то у нас в Харькове вся одежда и обувь моих размеров – только детские».

Когда она возвращалась с фронта, по дороге её обокрали. Не могла она прийти к родителям иждивенцем. И, не заходя домой, отправилась в военкомат; отсидела весь день, приём закончился, военком закрывал двери и поинтересовался:

- Девочка, а ты что сидишь?
  - Мне нужно восстановить карточки.
  - Завтра с мамой придёшь.
  - Но я прошла всю войну без мамы.
- Справедливость тут же восторжествовала.

Она была большим ребёнком – взрослым, мудрым. К ней шли за помощью, за советом и просто по движению души. Только назовите её имя – и у тех, кто у неё учился или просто её знал, засветятся глаза, помолодеют лица. Её имя, как пароль, объединяет даже незнакомых между собой людей. Маленькая великая женщина, она вошла в наш класс на 2 года и осталась в каждом из нас на всю жизнь.